

Эмиграционные планы старшекласников (по материалам опроса старшекласников Москвы и Риги)

В. С. Собкин, Т. А. Мурсалиев

Собкин Владимир Самуилович
доктор психологических наук,
профессор, академик РАО,
Заслуженный деятель науки РФ,
директор Института социологии
образования РАО.

Мурсалиев Теймур Азер оглы
научный сотрудник
Института социологии
образования РАО.

*— А как же Рио-де-Жанейро? Я тоже хочу в белых штанах.
— Рио-де-Жанейро — это хрустальная мечта моего детства, — строго
ответил великий комбинатор, — не касайтесь ее своими лапами.
Илья Ильф и Евгений Петров. «12 стульев».*

Настоящая статья основана на материалах социологического опроса учащихся старших классов, который был проведен в конце 2010 г. Институтом социологии образования РАО и Рижской академией педагогики и управления образованием. В Москве было опрошено 993 школьника, в Риге участвовало 1939 респондентов (из них 975 обучающихся в общеобразовательных школах Латвии и 964 обучающихся в школах национальных меньшинств. В статье эти подвыборки будут обозначаться как «латыши» и «русские»). В обоих опросах участвовали школьники, заканчивающие основную и старшую школу, соответственно, учащиеся 9-х классов в Москве и Риге и учащиеся 11-х классов в Москве и 12-х классов в Риге.

Обучение в старшей школе является важным этапом в социальном развитии и личностном становлении подростка. В этот период формируются новые интересы, и на первый план выходит проблема жизненного и профессионального самоопределения.

Подросток начинает интересоваться своим будущим, строить планы и оценивать жизненные перспективы. Он должен решить широкий круг вопросов: определить уровень профессионального образования (начальный, средний или высший), который хочет получить; выбрать соответствующую специальность; соотнести свой выбор с социальными и экономическими перспективами и т. д. Ключевой проблемой для старшекласника на этапе окончания школы является выбор: продолжать образование или устраиваться на работу?

При этом учитывается множество факторов — от успеваемости в школе и соответствующих способностей до уровня обеспеченности семьи и наличия социальных связей. Здесь может возникнуть противоречие между имеющимися ресурсами (социальными, культурными, экономическими) и жизненными притязаниями старшекласника, его амбициями. В данном возрасте у многих подростков возникает отнюдь не риторический вопрос

«а могу ли я себе это позволить?». В зависимости от ответа на него развивается традиционный для социологии сюжет, связанный либо с восходящей, либо с нисходящей социальной мобильностью. Кто-то строит свою жизненную стратегию как мобилизацию своих ресурсов и ресурсов семьи для перехода на более высокий социальный уровень, а кто-то, напротив, отказывается от повышенных притязаний в пользу выбора упрощенных жизненных стратегий.

Таким образом, своеобразие построения жизненных перспектив традиционно обсуждается в логике восходящей и нисходящей мобильности и связано с ресурсами семьи, реальными школьными успехами, личностными притязаниями подростка и реальными условиями, сложившимися на рынке труда и в сфере образования. В этом контексте особый интерес представляют эмиграционные планы и намерения.

Эмиграция конца 80-х – начала 90-х гг. прошлого века сильно отличается от сегодняшней. Тогда имела место, в основном, реализация эмиграционных планов родителей, желавших лучшего будущего для себя и своих детей; причем не всегда эти планы соответствовали желаниям самих подростков. Сегодня благодаря изменению уровня жизни и появлению реальных возможностей для эмиграции (доступной информации об образовательных услугах и потребностях на рынке труда за рубежом) ориентация на эмиграцию оказывается важной составляющей при построении жизненных планов самими подростками.

Выделяются три типа эмиграционных планов: образовательные, трудовые и планы, связанные с переездом на постоянное место жительства (ПМЖ). Они обусловлены различными мотивами и жизненными целями, которые необходимо иметь в виду при анализе вопросов, касающихся эмиграции.

При обсуждении эмиграционных планов особый интерес представляет анализ влияния на них различных социальных и экономических факторов. Важно выявить особенности тех социальных групп, где наиболее сильны эмиграционные настроения. Стремятся ли покинуть страну представители социально сильных групп или же, наоборот, выезд из страны планируют слабые, ориентируясь на возможности вертикальной мобильнос-

ти за рубежом? Склонны ли к эмиграции представители определенных национальных меньшинств? И играют ли значимую роль в построении эмиграционных планов, помимо экономических и социальных, собственно психологические факторы, например, общий социально-психологический климат в стране?

Для получения ответов на эти вопросы необходимо проведение кросс-культурных сопоставлений. Поэтому в нашем исследовании мы будем сравнивать ответы московских и рижских старшеклассников.

Сегодняшние старшеклассники – это те, кто родился после распада СССР. Поэтому сравнение их жизненных ориентаций представляет особый интерес: оно позволяет понять, сохраняется ли культурная общность в новом поколении молодежи, живущем на пространстве бывшего СССР. При этом особенно важно мнение русских школьников, живущих в Риге, не только как представителей национального меньшинства, но и как группы, ориентированной на экономические и социо-культурные реалии России. В настоящей статье основное внимание мы уделим социально-демографическим факторам и мотивам (явным и скрытым), влияющим на эмиграционные планы старшеклассников.

Эмиграционные планы старшеклассников Москвы: учеба, работа, постоянное место жительства

Рассмотрим, насколько распространены среди учащихся 9-х и 11-х классов эмиграционные планы.

На рисунке 1 представлено распределение ответов московских старшеклассников на три вопроса: «где Вы хотели бы работать после окончания обучения?»; «хотели бы Вы продолжать

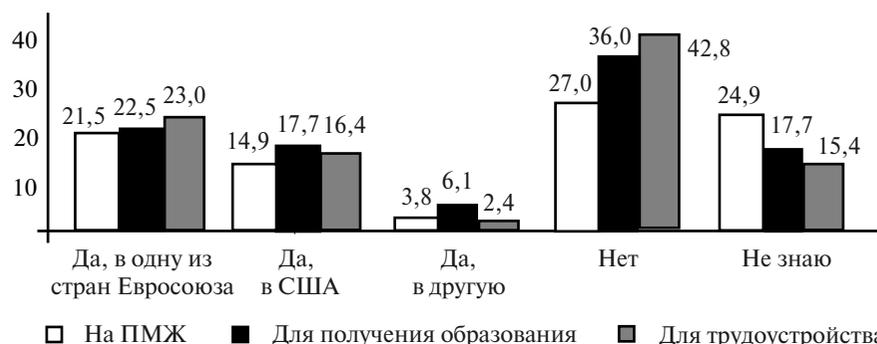
образование за рубежом?»; «хотели бы Вы покинуть Россию и уехать за границу на постоянное место жительства?».

Распределение ответов московских старшеклассников показывает, что суммарно (в одну из стран Европы, в США или в другую страну) планируют уехать 41,8% школьников; для продолжения образования – 46,3%; на постоянное место жительства – 40,2%. Отсюда можно сделать вывод, что весьма значительная часть школьников связывает реализацию своих профессиональных, образовательных и жизненных планов с эмиграцией. При этом, почти каждый пятый хотел бы работать, получить образование либо уехать на ПМЖ в страны Евросоюза, а каждый седьмой – в США. Представленная структура ответов не меняется от 9-го к 11-му классу. Значит, эмиграционные ориентации формируются уже на этапе окончания основной школы (9-й класс). Подчеркнем, что полученные результаты отражают лишь намерения старшеклассников, а не реальное эмиграционное поведение.

Рассмотрим более подробно влияние социально-стратификационных факторов на эмиграционные планы старшеклассников.

На распределение ответов по поводу трудоустройства после получения образования существенное влияние оказывают уровень образования родителей и материальное положение семьи. Так, ученики из семей, где оба родителя имеют среднее образование, чаще планируют работать в России по сравнению с теми старшеклассниками, у кого родители имеют высшее образование (соответственно: 52,3% и 36,1%, $p=0,002$). Сравнение ответов учащихся из семей с разным уровнем дохода показывает, что дети из семей со средним уровнем дохода чаще пла-

Рисунок 1. Распределение ответов московских школьников на вопросы об их эмиграционных планах (%)

нируют работать в России, нежели дети из семей с высоким уровнем дохода (соответственно: 42,7% и 36,1%, $p=0,03$). То есть планы, связанные с трудоустройством в России, более распространены среди подростков из слабых социальных страт. Среди подростков из сильных социальных групп более выражена ориентация на работу за рубежом.

Те же тенденции проявляются и в распределении ответов относительно продолжения образования за рубежом. Здесь также имеет значение уровень образования родителей и достаток семьи. Те подростки, у кого оба родителя имеют среднее образование, планируют продолжать свое образование в России чаще, чем дети из семей, в которых оба родителя имеют высшее образование (соответственно: 24,4% и 16,6%, $p=0,04$). Учащиеся из семей со средним достатком чаще, чем школьники из высокообеспеченных семей, планируют продолжать образование в России (соответственно: 19,4% и 13,7%, $p=0,02$). Таким образом, дети из слабых социальных страт более ориентированы на получение образования в России.

Особый интерес представляют ответы старшеклассников на вопрос, касающийся желаний уехать в другую страну на постоянное место жительства (ПМЖ). Здесь уровень образования родителей и уровень доходов семьи также играют важную роль. Дети из семей, в которых оба родителя имеют среднее образование чаще, чем ученики из семей, где оба родителя имеют высшее образование, хотят остаться жить в России (соответственно: 40,7% и 25,1%, $p=0,001$). Значимое влияние на распределение ответов оказывает и уровень доходов семьи. Однако здесь тенденции неоднозначны. Так, по сравнению с подростками из семей со средним уровнем достатка на постоянное место жительства за рубежом более ориентированы старшеклассники из высокообеспеченных

семей и те, кто относит себя к малообеспеченным семьям (среднеобеспеченные – 31,8%; малообеспеченные – 12,8%, $p=0,006$; высокообеспеченные – 22,0%, $p=0,002$). На наш взгляд, этот результат важен, поскольку из него следует, что не только школьники из высоко обеспеченного слоя, но и дети из малообеспеченных семей менее ориентированы на жизнь в России. По-видимому, старшеклассники из малообеспеченных семей не видят для себя «социальных лифтов» в России; это побуждает их искать себе место в других странах.

Помимо социально-стратификационных факторов на эмиграционные планы оказывает значительное влияние национальная и религиозная принадлежность. По нашим данным, одним из факторов, влияющих на распределение ответов учащихся по поводу эмиграционных планов, является их вероисповедание. Так, среди тех, кто планирует остаться жить в России, гораздо больший процент православных учеников, чем среди тех, кто планирует уехать в Евросоюз или в США (соответственно: 70,4%, 54,9%, 53,5%; $p=0,0003$ и $p=0,0004$). Православные учащиеся чаще стремятся остаться жить в стране, являющейся центром православной религии; социокультурные реалии России для них более понятны, привычны и ценностно значимы.

При оценке эмиграционных планов следует обратить внимание и на моменты, которые условно можно обозначить как личностные ресурсы старшеклассника. Не затрагивая вопросы, касающиеся способностей или учебной успешности, возьмем в качестве примера такой параметр, как владение иностранным языком. В ходе опроса респондентам предлагалось оценить свой уровень владения английским языком как «отличный» и «неудовлетворительный». Получен-

ные результаты показывают, что уровень владения английским языком оказывает заметное влияние на распределение ответов учащихся по поводу отъезда на ПМЖ (таблица 1).

Как мы видим, владение английским языком является важным аспектом при построении планов эмиграции. «Отличный» уровень владения английским языком, позволяет определиться со своими возможностями и дает уверенность в способности адаптироваться к жизни в Евросоюзе или США.

Русские подростки в Латвии: влияние социокультурных факторов на эмиграционные планы

Для оценки значимости влияния социокультурных факторов особый интерес представляет группа тех учащихся из школ национальных меньшинств Латвии («русских»), кто планирует переехать на постоянное место жительства в Россию. Иными словами, попытаемся взглянуть на проблему с другой стороны: мы оцениваем не отъезд из России, а, наоборот, возвращение. Для этого важно сравнить эту группу «русских» школьников Риги с группами тех «русских», кто планирует уехать в Евросоюз и США, а также «русских», желающих остаться жить в Латвии.

Полученные результаты показывают, что такие традиционные социально-стратификационные факторы, как уровень дохода семьи и уровень образования родителей, в данном случае не оказывают значимого влияния. Роль же культурных аспектов достаточно существенна. Например, выявилось значительное влияние уровня владения латышским языком. Если среди «русских» школьников, планирующих уехать в Россию, оценивают свое знание латышского языка как «отличное» лишь 10,9%, то среди тех «русских», кто желает остаться в Латвии, их доля почти в 2,5 раза выше – 23,7%

Таблица 1. Распределение ответов московских старшеклассников об их эмиграционных планах на ПМЖ в зависимости от уровня владения английским языком (%)

	Отличный уровень владения английским языком	Неудовлетворительный уровень владения английским языком	Уровень значимости
Да, в одну из стран Евросоюза	37,5	19,8	$p=0,007$
Да, в США	18,8	6,6	$p=0,01$
Нет	26,6	40,7	$p=0,03$
Не знаю	12,5	29,7	$p=0,006$

($p=0,002$). Добавим, что среди школьников, желающих эмигрировать в Россию, 16,4% оценивают уровень своего владения латышским языком как «неудовлетворительный», а среди тех, кто желает остаться в Латвии, таких лишь 4,3% ($p=0,0001$). Приведенные данные позволяют сделать вывод о том, что языковая (культурная) адаптация является мощнейшим фактором, оказывающим влияние на построение эмиграционных планов представителей национальных меньшинств.

Владение языком важно рассматривать не только как фактор культурной адаптации, но и как важный ресурс, определяющий характер построения эмиграционных планов. Это явно проявляется при анализе владения английским языком. Например, среди группы «русских» школьников Риги, планирующих эмигрировать в Россию, лишь 13,0% оценивают свой уровень владения английским языком как «отличный», среди тех, кто ориентирован на эмиграцию в страны Евросоюза, таких 23,6%, а среди собирающихся эмигрировать в США – 25,7% (соответственно: $p=0,001$; $p=0,001$). Здесь проявились те же тенденции, что и среди московских старшеклассников (см. таблицу 1).

Важным фактором, определяющим эмиграционные планы подростка, являются его ценностные ориентации. Среди подростков, планирующих эмигрировать в Россию, две трети (67,7%) считают себя православными. Среди «русских» старшеклассников Риги, желающих эмигрировать в Евросоюз, считающих себя православными заметно меньше – 56,8% ($p=0,007$).

Сопоставление эмиграционных планов москвичей и рижан

В таблице 2 приведены данные об эмиграционных планах на ПМЖ в трех подвыборках старшеклассников: москвичей, учащихся общеобразова-

тельных школ в Риге («латыши») и учащихся школ национальных меньшинств («русские»).

Как видно из таблицы 2, ответы московских старшеклассников практически совпадают с ответами «латышей»: не собираются уезжать на постоянное место жительства в другую страну, соответственно, 27,0% и 24,9%; столько же среди них и не определившихся в своих эмиграционных планах, соответственно: 24,9% и 20,4% старшеклассников. Принципиально иначе складываются эмиграционные планы у «русских» школьников в Риге. Среди них лишь 8,6% однозначно ответили, что планируют остаться в Латвии. При этом каждый пятый (18,5%) планирует уехать жить в Россию. В то же время, каждый третий (31,6%) сориентирован на дальнейшую жизнь в странах Евросоюза.

Таким образом, среди представителей национального меньшинства в Риге («русских») гораздо больше выражены эмиграционные настроения. Это позволяет сделать вывод о том, что в определенном социокультурном контексте национальный статус (принадлежность к национальному большинству или меньшинству) может играть значимую роль при формировании эмиграционных планов.

Эмиграционные мотивы: явные и скрытые

Ниже представлен график с распределением ответов старшеклассников Москвы и Риги на вопрос «По каким причинам Вы бы хотели уехать за границу на постоянное место жительства?».

Представленные на рисунке 2 данные показывают, что основными мотивами эмиграции у старшеклассников являются профессиональная самореализация и достижение материального благополучия. Так, 42,4% московских школьников, 48,9% «русских» школьников, живущих в Риге, и 39,9% «ла-

тышских» учащихся не видят перспектив для своего профессионального роста на родине. Считают, что страна, в которой они живут, не дает возможности достичь личного материального благополучия 36,0% москвичей, 34,3% «русских» и 34,9% «латышских» школьников. Важным мотивом эмиграционных планов является отсутствие перспектив для развития этнической культуры – каждый десятый (10,7%) школьник, желающий уехать из России, выбирает этот вариант ответа. Помимо этого, 10,9% московских школьников аргументируют свои эмиграционные планы наличием родственников за границей. Именно эти варианты ответов несколько отличают москвичей от рижан.

Помимо явных («осознаваемых») мотивов эмиграции интерес представляют и неявные факторы, к которым можно отнести общий социально-психологический климат, определяющий эмоциональное самочувствие; уверенность/неуверенность в завтрашнем дне.

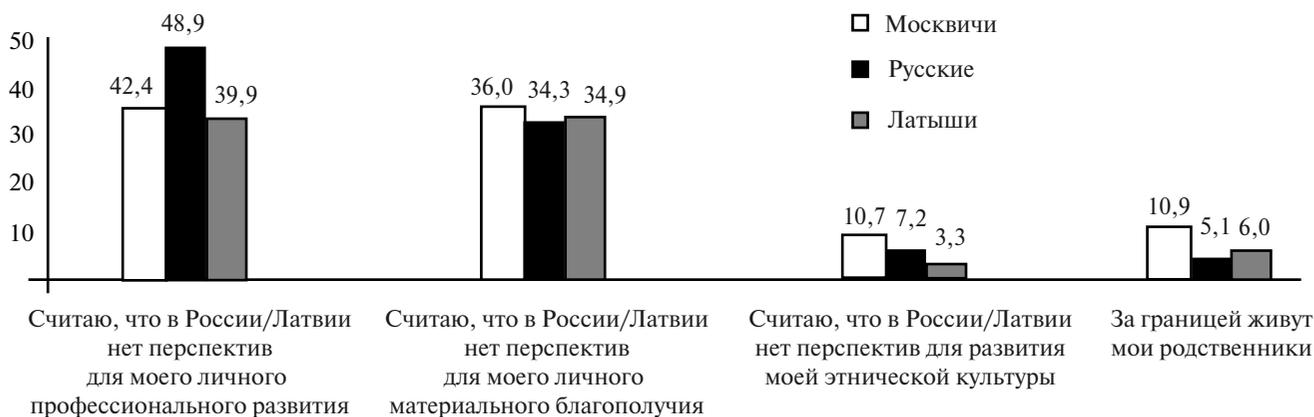
В ходе опроса мы просили старшеклассников ответить на вопрос «Что более всего Вас беспокоит в Вашем будущем?». Опрошенные старшеклассники могли выбрать от 3-х до 5-ти вариантов ответа. Распределение ответов на данный вопрос приведено на рисунке 3.

Приведенные на рисунке данные показывают, что у московских старшеклассников можно выделить шесть ведущих страхов. Три из них связаны с опасениями, касающимися самореализации: профессиональной (25,9%), личной (25,4%) и материальной (33,1%). Другие три основных страха касаются возможных проявлений социальной агрессии: боязнь стать жертвой насилия (18,7%), боязнь стать жертвой теракта (16,5%) и боязнь войны (24,5%). Представленные данные показывают, что московские школьники гораздо более фрустрированы по сравнению со своими сверстниками из Риги. От-

Таблица 2. Распределение ответов старшеклассников Москвы и Риги на вопрос о том, хотели бы они уехать в другую страну на ПМЖ (%)

	В страны ближнего зарубежья (для москвичей)/ Россию (для рижан)	В США	В Евросоюз	Нет	Не знаю
Москвичи	2,8	14,9	21,5	27,0	24,9
«Русские» в Риге	18,5	13,6	31,6	8,6	16,7
Латыши в Риге	2,1	20,7	22,0	24,9	20,4

Рисунок 2. Распределение ответов старшеклассников Москвы и Риги о причинах эмиграционных планов (%)

сюда можно сделать вывод, что общий негативный социально-психологический климат характеризует своеобразие формирования эмиграционных планов у московских старшеклассников. Эти планы обусловлены как «стремлением к достижению», так и «избеганием угроз». Например, явно выраженный мотив достижения «личного материально-благополучия» корректируется стра-

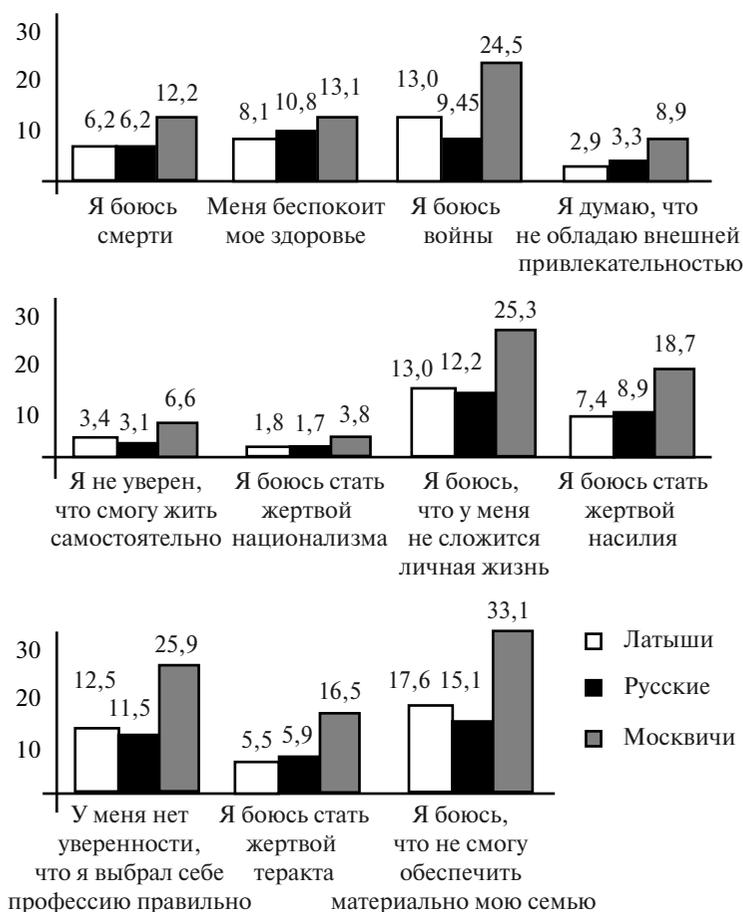
хом перед «неспособностью» материально обеспечить свою семью.

Таким образом, наряду с отмеченным выше процентным сходством в ответах школьников Москвы и Риги по поводу эмиграционных планов, среди них имеют место принципиально разные эмоциональные переживания, связанные с личными угрозами. Поскольку эмоциональные доминанты, касаю-

щиеся сложившихся личных угроз, явно отличаются, вполне правомерен вывод о различии личностных смыслов, определяющих формирование планов на эмиграцию у москвичей и рижан.

В целом приведенные в статье данные показывают, что и в Москве, и в Риге процент старшеклассников, планирующих покинуть родную страну либо на определенный период (в связи с образованием или работой), либо навсегда, очень высок. Но подчеркнем, что в данном случае мы имеем дело именно с планами, намерениями, а не с их реализацией. Подобные планы вообще присущи подростковому возрасту. Они связаны с расширением границ «социального Я». Но сегодня подобные планы для значительного числа старшеклассников не являются лишь абстрактными фантазиями, а соотносятся с реальными социальными и личными ресурсами и теми переживаниями, которые влияют на жизненное самоопределение подростка.

Рисунок 3. Распределение ответов старшеклассников Москвы и Риги относительно их «личных страхов» (%)

Список литературы:

- 1 Гудков Л. Пустая страна // Новая газета. – 2011. – №74. – С. 7–11.
- 2 Мурсалиева Г.Ш. Мамы и папы толкали детей на Манеж // Новая газета. – 2011. – №2. – С. 12–13.
- 3 Мурсалиева Г.Ш. Дети бегут от войны // Новая газета. – 2011. – №83. – С. 15–16.
- 4 Собкин В.С., Ваганова М.В. Российский подросток: жизненные перспективы и страхи // Социокультурные трансформации подростковой субкультуры. Труды по социологии образования. – Т. 11. – Вып. 20. – М.: ЦСО РАО, 2006. – С. 7–18.
- 5 Собкин В.С., Николашина Е.В. Отношение российских подростков к мигрантам: культурная дистанция, временные сдвиги, национальная самоидентификация // Социокультурные трансформации подростковой субкультуры. Труды по социологии образования. – Т. 11. – Вып. 20. – М.: ЦСО РАО, 2006. – С. 19–31.